

Суздаль 19³⁰/_{II} 28 44 ч. 60

Дорогие мои, здравствуйте! Вот я и получил Ваше 58^{ое} письмо, и отвечаю на него "юбилейным" номером - шестьдесятым. (Музыка играет чужу - г.е., извиняюсь, ту, которую я хотел сказать, — присутствующим встает и оживленно хлопает юбилей — торж! юбилею, отягощенному!) Однако, много водить, усталость с того времени, как я Вам написал 1^{ое} письмо! И путь себе течет — не правда ли? Тем скорее, тем лучше! А пока — пишу Ваше здоровье и приглашаю Вас к утру-те, — [если не под рукой стакана чая, лучшей марки, возмущающий стакан воды, крепостью в 0°. Но, пожалуй, не много пейте — алкоголь в вашем возрасте небезопасен!]

В вашем письме есть глава "философия отчаяния", измученная, усталая, малой, но акцентированная (как и всё содержание письма) гордой, папой. Краткий смысл сей философии: главное — это точка зрения; от нее все качества. Заявляю, что вы можете и меня привлечь к адептам этой философии. Ботось, что я Вам рассказывал уже о двух средах, могущих служить образцом, живыми носителями этой философии. Всё-таки расскажу еще раз: первый еврей не имел пальто и часовой дроби на морозе. Однако, когда его спрашивали, что-же с ним будет дальше, он отвечал скороговоркой: "дальше? Тепла! Январь-февраль-март — апрель — май — июнь, — и вы уже знаете что, и никакое пальто вам уже не нужно!" — Разве он был не прав? А второго еврея спросили перед казнью: каково Ваше последнее решение? Сей муж заявил: "я решил немножко... замаяннати. — Как? Сейчас ведь зима?! — А, тогда я подожду до весны!" — Разве и он был не прав? Конечно-же, оба они обладали большим "чувством жизни". Если вы это хотите сказать Вашей философией отчаяния, — то, повторяю, я с Вами согласен: главное — это дело вад, что такой человек, как зима — неинтересен с точки зрения следующей затишья весны.

Желаю: у нас сегодня выпал уже снег — и не расстаял. Это, так сказать, торжественное открытие зимнего сезона. Я поэтому писал Вам о моем решении скорей видеть зиму, что уже очень отрицательная погода сегодня у нас: грязь, слякоть, с неба что-то льет на землю самым худшим образом, не считаясь с последствием. А сейчас всё изобретено, дело, чего, как у порядочных, снег еще девственный [если это возможно в наш распушеванный

44 05
Век-словам, для глаза приятно посмотреть. А у вас?
Уже видно тоже зима?
Большое спасибо за фотографии. Признаться, вы владеете
на них худо. Прежде всего, оба очень сдвинуты. Это обдумав
помощение, я пришел к выводу, что брак-ли вы сдвинуты
на метр, - скорее на фотопласт. Затем, что гораздо важнее,
вы выглядите сильно похужевшими. А ведь это уже не
зависит от фотопласта? Особенно, если сравнить эти карточки
с другими, прежними, тоже миниатюрными: и папа, и
особенно мама там выглядят очень хорошо. Итак, вы
сильно похудели. Но, странно, похужевшими вас не была
назвать, обоих. Говорю странно, - т.к. знаю, как сильно
стандартно, видны черты лица старости, при разлуке в 3,4
года. Значит-ли это, что вы на даче похудели, но при-
шли здоровы? Словам, эти карточки заставят мне работать:
думать, соотносить, соотносить.... Большое спасибо за них.
Мы с Левой поделились их так: у меня были карточки
и твоя, папа, и мамин, а у него только мамин. Поэтому
он взял себе "папу" а я "маму", - и мы на этом
пошутили, как дети, играющие в папу и маму.
Конечно, каждая фотография усиливает желание обидеть
без нее и увидеть то лицо, которое дорого. Эта тема
насколько понятна вам, что я ее не считал пугающим раз-
вием дальше. — Это пишешь, папа, как вы
встречаете каждое письмо, адресованное в шенку двери
долготерпеливой писемносецки. Очень понимаю! А
вы представляете себе, как мы встречаем ваши
письма, тоже адресованные в шенку, но не двери, а
форточки? А? Думаю, что вам не трудно представить
себе это. А если не всегда письмо мое выдержано в
мажорном тоне, - пусть это вас не смущает: я
утверждаю, что личное настроение мне в общем не
свойственно, что я гораздо ближе к героям Толстой.
А именно, к героям Толстой (извините за совершенно
неуместное сравнение таких несравнимых лири-
ческих величин, я потопляюсь впадать в свою мысль).
Значит, насчет бодрости и прочих аксессуаров можете
быть спокойны: их мне не занимать сейчас. В
своей автобиографии, которую я опубликую через
10 лет после своей издательской кончины, я
об этом скажу подробно. Кстати, разрешаю вам

не уничтожать мои письма, писать ввиду интереса
будущих поколений вообще, и моих биографов-45
истинности. —
Возвращаясь к вашему письму. О маме вы пишете
довольно утешительное новостное, я очень рад, что она
имеет возможность изредка посещать и маму, и
театр и оперу. Но касаясь меня, то мой психический
вкус был бы совершенно удовлетворен, если бы я
узнал в обыкновенном кино что-нибудь вроде "Майн
магического двора", не говоря уже о таком шедевре
как "Скала смерти" или "Вя любовь" чужеземца!!
Вот иди после этого говори о постоянстве сердечного
чувства и вкуса! Любая марманка вывала бы меня
сейчас из душевного равновесия больше, чем в иное
время дав симфония. Эй бог, я не вру! —
Да, так вот. Бэлла, значит, занимается немецким языком?
Ах, несчастная! Какая роковая ошибка с ее стороны! Впрочем,
я готов считать даже вполне поправимой: стоит только и
мне взяться за немецкий язык. Сейчас, конечно, я этого дела
не буду, но в дальнейшем предвижу и это. И так, вкратце мы
будем видеть немцы. Языками? Выходя по 1/2 на нос....
Мамочка. Мой ошенизовочный цокизовый минимизм - при
европейских языках "на душу населения"; впрочем, это только
видимая ошенизация. Пока я редко вижу английский
и обнаруживаю германские способности в области шипения,
свистения, сюсюканья и твояния, что и составляет ключ
к овладению этим боготворческим языком, пусть меня про-
сит Шекспир-покойник. Но до чего-то откровенный язык! Впрочем,
иногда он звучит ничем себе, - это когда в Христосах пона-
деюсь спланировать Лондон, ~~Маму~~ куда или кого много.
Зато французский! Вот язык любви и дипломатии (ви-
димо, если в дипломатии любовь излившая вещь, то в
любви дипломатия - о! совершенно "наоборот"! - чрезвычай-
но необходима, можно сказать - абсолютно необходима!)
Сейчас я читаю, как уже писал вам, французскую книжку
о Муссолини и о фашизме, очень интересная книга, она
повествует о таких "делах" фашистских, описание которых
заставляет поднимать дыбом мои редкие волосы. Напи-
сана французским журналистом (бульварным) Сакрини
- и написана с блеском! Впрочем, когда французский
журналист пишет без блеска? Это уже мастерство!

4505
Вспомните, что говорил Акад. Франс, этот "мэтр" литературного среды:
"машинист" долго свою драму — и она улыбнется вам в конце
"концов".... "что вы скажете на это гениального сарказма? (звучит
лине "орский" оборот речи). — Да, если Бася разочаровалась и
гашит "книжку", — я ей буду чрезвычайно благодарен, а заодно
и Бэме — за передачу. Бэмину еврейскую "книжку" — ? Гейне,
"Путешествие на Гари" — я получил во второй посылке. Но
в первой книге не было: меня почему-то удивляет, мама,
что ты спрашиваешь о "книжках" (евр.), которые Бэма послала
в обеих посылках". Разве и в первой была книжка? В
таком случае я ее не получил. А какая-то? Вероятно,
ты получила, мама, и книжка была только во 2-й посылке.
Ке.

Ну-с, что еще писать вам о себе? Сейчас занимаюсь до-
вольно успешно. Много разные "субъекты" книги, сейчас
максимально усложнил мой баланс экзотических книг.
Когда пройдет еще месяца два, я вам пишу кое-что
об этом моем члене чрезвычайно. Кстати, ^{находясь} письмо ~~от~~
вы получите либо в самый день, либо накануне 8-го дек.,
т.е. в день, от которого мой срок будет исчисляться еще
тридцать месяцев. Как я говорил тот самый еврей:
декабрь — январь — февраль — март — апрель — и еще!....

В конце января или в первых числах февраля (вернее —
— первое) я отослал книжки свои в Харьков, Бэме.

— Лева, прошу передать большому благодарного за
карточки. К сожалению, редкость для получения их уне-
рсиасе вашим видом. Оба вы, несомненно, почувствуете,
а на маминном мне как будто видны следы сердечной
болезни. Впрочем, может быть это будет чрезмерной серьез-
ности в возвращении мне. М.к. и ~~также~~ уже все обо всем
предупреждаю, что я забрал себе книгу и много теперь "попытки"
комплекс. Уверенно я себя удовлетворю. Занимаюсь
поисками. Рассчитываю вернуться в 3-й месяц и 1929-го года
вы не хуже, чем сейчас в 4-й месяц до срока и. Концы 1928-го
ведь идущий год для меня юбилейный: 15-й ~~год~~ год верности
с Дедой! Крепко целую вас обоих."

Может и я — крепко целую вас обоих, хотя у меня
еще не 15-го года встречи. И обнимаю вас. И желаю
вам обоим здоровья и сил и спокойной жизни.

Привет сердечный Бэме и маме, привет Гадере
Рейзе и Шуркиному семейству.

Ваш Борис